

«Нос Фрейда», Ник Тоттон

(Freud's Nose. Nick Totton)

Переводчик – психоаналитик Соколов Д.В.

<https://dmitry-sokolov.ru/>

(г. Москва, перевод 2025 года.

Английский текст предоставлен Медведевым В.А.

«Мужчине нужно, чтобы о нем говорили».

(Письмо Фрейда Марте Бернейс, 16 января 1884 г.)

«Главное из того, что вы знаете, не рассказывайте мальчикам».

(Любимый для Фрейда отрывок из Гете, цитируемый в книге Фрейда 1900, 223 и 587)

Хитросплетение

Сновидение Фрейда об инъекции Ирме - первое, "подвергнутое подробному толкованию"; следовательно, оно является значимым событием в истории психоанализа. Данное "образцовое сновидение" является центральным элементом в книге «Толкование сновидений» (Фрейд, 1900). Естественно, к рассказу, который Фрейд обнародовал, можно многое добавить. Честность его анализа безупречна: его пределы и намерения откровенно обозначены, и все же, благодаря историческому рассмотрению и исторической дистанции, мы получаем возможность проследить за мыслями данного сновидения по мере того, как они попадают "в хитросплетение нашего мира мыслей" (Фрейд, 1900, с. 672) - чтобы заново отобразить "путаницу" этого "хитросплетения", внося в нее откровенное прочтение *ad hominem* (ясное, как нос на лице у Фрейда) (*ad hominem* - от латинского «применительно к человеку», можно понимать как метод ведения спора, «переходя на личность, вплоть до оскорблений» – прим.перев.): однако, отношения между фигурой и основанием такого прочтения внезапно меняются на противоположные, и Фрейд отступает на второй план, становясь частью физиогномики самого психоанализа.

Конечно, уже много написано о сне об инъекции Ирме (ссылки). Эта статья не содержит нового исследовательского материала - на самом деле для специалистов что-то в ней уже хорошо известно - но, скорее, пытается найти

новые значимые связи и ассоциации в рамках знакомого материала, обнаруживая некоторые ключевые узловые 'точки'. Центральной идеей «Толкования сновидений» является то, что бессознательное формирует бесконечную ассоциативную сеть или паутину, в которой сновидение представляет собой особенно сгущённую область и структуру "узловых точек" (ссылка). Данная идея работает и как риторический прием, оправдывающий те ограничения, которые Фрейд накладывал на свои ассоциации к собственным сновидениям и на их толкования: он неоднократно говорит, что некоторые конкретные ассоциации "уведут нас слишком далеко".

Но за какой границей или пределом находится это 'слишком далеко'? Я хочу проследить некоторые ассоциации, связанные со сном про инъекцию Ирме, которые Фрейд опускает или маскирует, и выяснить, к чему они нас приведут. Иногда они приводят к темам, которые Фрейд, несомненно, счёл бы стыдными для рассказа, хотя и не всегда по личным причинам. Мы увидим, что многие темы сновидения связаны с самой психоаналитической теорией и ее рождением из запутанной системы взглядов, которые Фрейд предпочитал оставлять преимущественно в тени. Мы также изучим поразительный, хотя и не связанный изоморфизм между сновидением об инъекции Ирме и гораздо более поздним заболеванием Фрейда раком. В дальнейшем я буду подробно ссылаться на то, что следует из фрейдовского анализа данного сновидения в главе 2 «Толкования сновидений» (Фрейд, 1900, С. 180-1999).

СОН 23-24 ИЮЛЯ 1895 г.

Большой зал - многочисленные гости, которых мы принимаем. -- Среди них Ирма. Я сразу отвел ее в сторону, как будто хотел ответить на ее письмо и упрекнуть ее за то, что она до сих пор не приняла мое "решение". Я сказал ей: «Если у вас все еще будут боли, это действительно только ваша вина». Она отвечает: "Если бы вы только знали, какие боли у меня сейчас в горле, желудке и брюшной полости – они меня душат". - Я встревожился и посмотрел на нее. Она выглядела бледной и опухшей. Я подумал про себя, что я, всё же, просмотрел какие-то органические проблемы. Я подвел ее к окну и осмотрел её горло, и она проявила признаки смущения, как у женщин с искусственными зубными протезами. Я подумал про себя, что на самом деле ей это было не нужно. -- Она тогда открыла рот как следует, и справа я обнаружил большое белое пятно; в другом месте я увидел обширные беловато-серые чешуйки на неких примечательных волнистых образованиях, которые, очевидно, были созданы по образцу спиралеобразных раковин носа. -- Я сразу же вызвал доктора М., и он повторил осмотр и подтвердил это.... Доктор М. выглядел совсем не так, как обычно: он был очень бледен, он прихрамывал, а подбородок у него был чисто выбрит.... Мой друг Отто тоже

стоял рядом с ней, а мой друг Леопольд ощупывал ее через корсаж и говорил: "У нее область уплотнения внизу слева". Он также отметил, что участок кожи на ее левом плече был поврежден. (Я заметил это так же, как и он, несмотря на ее одежду.) М. сказал: 'Нет сомнений, что это инфекция, но это нестрашно; дизентерия пройдет, и токсин будет выведен. Мы также были непосредственно осведомлены о происхождении инфекции. Незадолго до этого, когда она почувствовала себя плохо, мой друг Отто сделал ей инъекцию препарата, состоящего из пропила, пропилов... пропионовой кислоты... триметиламина (и я увидел перед собой формулу, напечатанную крупным шрифтом) Такие инъекции не следует делать так бездумно.... Также, вероятно, шприц был не чист.»

(Фрейд, 1900,182)

Вдохни меня

Ассоциация с кокаином соединяет на микроуровне другие более широкие смыслы данного сновидения. Фрейд в собственной интерпретации переходит от коросты в носовых раковинах Ирмы к симптомам в своём носу, которые он лечил кокаином, а затем – к тому пациенту, у которого развился "обширный некроз слизистой оболочки носа" из-за "следования примеру Фрейда" в употреблении кокаина.

В 1880-х годах кокаин, это "волшебное лекарство" (Джонс, 1964, с. 92)¹, был в центре внимания Фрейда в его поисках золотого ключика, "истока Нила" – такого крупного научного открытия, которое принесло бы ему славу, богатство, возможность жениться на своей невесте Марте Бернайс. В течение нескольких лет он с энтузиазмом пропагандировал это чудо-лекарство, его широко рекомендовал и назначал, писал о нем длинные статьи, навязывал его своим друзьям и Марте – и, конечно, сам употреблял в больших количествах для лечения болезней носа и «неврастенической депрессии».

Как выразился Эрнест Джонс, Фрейд фактически "стремительно становился угрозой обществу" (Jones 1964, 92). Только под сильным давлением, с большим трудом и в поэтапной борьбе, включавшей переформулирование и, по сути, отказ от своих прежних взглядов, Фрейд пришел к ортодоксальной точке зрения, что кокаин во многих отношениях опасен: вызывал зависимость, накапливал токсичность, разрушительно влиял на слизистую носа. Отсюда - ассоциации Фрейда к теме профессиональной некомпетентности.

¹ Я обращаюсь к Эрнесту Джонсу, предпочитая его более поздним биографам, за исключением тех случаев, когда было конкретно доказано, что он заблуждался - потому что его стиль так созвучен и находится в диалоге с собственным стилем Фрейда, а его отношение к материалу такое близкое.

На кокаине, как я уже отметил, сосредотачивался также и вопрос амбиций. Тут у Фрейда тоже имелся повод упрекнуть себя: он упустил, по его словам, "фундаментальный факт" – способность кокаина осуществить переворот в хирургии глаза². Некто иной захватил приоритет – такая тема явно центральная для многих снов в «Толковании сновидений», а скрыто имеет существенное значение и в данном сновидении (см. ассоциации, связанные с Оскаром, Леопольдом и "доктором М", которым, конечно, является Брейер). Фрейд тоже пытался инъекциями кокаина облегчить боли при невралгии тройничного нерва; ему это не удалось, а успеха позже добились другие. Тройничный нерв иннервирует как носовую, так и ротовую полости, поэтому он репрезентирует собой дальнейшую ассоциацию, скрывающуюся в сновидении Ирмы за триметиламином (см. ниже).

Кокаин явно является ассоциацией и с носом, и с иглами – с обоими ключевыми элементами сновидения. Более глубоко кокаин ассоциируется и с сексуальностью. Инъекции и иглы тоже имеют сексуальный смысл (это ясно выражено в немецком языке, где *spritzen* означает и "впрыскивать", и "брызнуть"): кокаин сам по себе сильный эротичный наркотик. Вполне достаточно процитировать известное письмо Фрейда Марте 1884 года:

«Берегись, моя принцесса, когда я приду. Я зацелую тебя до красна и буду закармливать, пока ты не станешь пухленькой. И если ты будешь упрямитесь, то увидишь, кто сильнее: нежная маленькая девочка, которая недоедает, или большой дикий мужчина, у которого в организме кокаин». (Цитируется по Jones 1964, 95)

Большой вес всему материалу о кокаине придаёт то - по крайней мере, по рассказу самого Фрейда – что именно из-за его поездки к Марте он пренебрёг изучением анестезирующих свойств данного вещества. (Clark, 1980, стр. 60-2)

Лишь сравнительно недавно при обсуждении Фрейда и кокаина стали обращать внимание на реальное *действие* данного наркотика; но и то только с клинической, а не с эмоциональной стороны. Можно рассуждать, что кокаин - своеобразный "психоаналитический" наркотик, имеющий способность эротизировать мышление и усиливать установление связей. Можно привести в пример что кокаин усиливает умственную концентрацию, а также оригинальность и смелость данного этапа жизни Фрейда. Итак, кокаин, в независимости являлся он источником психоаналитических идей или не являлся, определенно существовал в некоем смысле как их *замена*: замена самоанализа как способа борьбы Фрейда с невротическими симптомами: замена, которой Фрейд в конечном счете пожертвует. Тема замен психоанализа будет важной для последующих рассуждений.

² --- (отсутствует в английском тексте)

Поразительные связи

Данная тема (тема замен психоанализа – прим. перев.) увлекает нас к Вильгельму Флиссу, другу, имевшему отношение к триметиламину, который сам "привлек научное внимание к определённым весьма поразительным связям между носовыми раковинами и женскими половыми органами" (Фрейд, 1900, с. 194). Флисс, специалист по носоглотке, незадолго до того провел две операции на носу Фрейда - прижигание носовых раковин. Эта излюбленная для Флисса процедура имела цель как физическую - избавить Фрейда от эмпиемы (нагноения) верхнечелюстной (гайморовой) пазухи, которой тот страдал поочередно с обеих сторон; так и психофизическую - облегчить неврастению Фрейда, согласно «поразительным» теориям Флисса (Джонс, 266-27).

Помимо указанных целей данные операции, однако, нужно рассматривать в качестве способа, которым любовное отношение двух мужчин нашло выражение в теле: открытие желанию³. Флисс был сильно привержен – на тот момент при восторженной поддержке Фрейда - идее о том, что нос, по сути, есть половой орган. Как мило выразился Джонс, «чрезмерное количество любопытства... было проявлено с обеих сторон к состоянию носов друг друга» (Джонс, 1964, с. 266); Флисс сам страдал в тот период от заболевания носа (от гнойного ринита), которое он лечил - естественно - кокаином; назначая его также и Фрейду.

Кокаин на самом деле вызывает и усиливает различные носовые заболевания, от которых страдали Фрейд и Флисс и которые они "лечили" с его помощью, о чём медицина тогда не знала. Более того, Э.М. Торнтон (1986, 172) предполагает, что невротические симптомы у Фрейда сами по себе были вызваны кокаином, который он употреблял для их же лечения. Это, несомненно, упрощение, но не случайное: Торнтон, ярый критик психоанализа, сама употреблял кокаин, опять-таки, как замену психоанализу.

Отец Флисса умер от рожистого воспаления из-за нагноения в носу, что, по-видимому, привело его к выбору своей специальности. А отец Фрейда тоже плотно втянут в паутину событий, фигурирующих в сновидении: при удалении глаукомы отцу Фрейда проводили обезболивание новым лекарством кокаином в присутствии трёх человек, причастных к открытию данного применения кокаина: Фрейд, Коллер и Конигштейн. (Джонс, 97-8. Несколько

³Здесь мы также должны упомянуть о ключевой роли в материале сновидения Эрнста фон Фляйшля-Марксова, дорогого друга и коллеги Фрейда. Фрейд справлялся с либидинозной энергией отношений с ним, озвучивая комплименты Флейшля в адрес Марты, и даже, как ни странно, предлагая Марте выйти замуж за Флейшля вместо него самого! Флейшль, который был старшим коллегой/соперником Фрейда, пристрастился к морфию, чтобы облегчить боль от неудачной ампутации; Фрейд убедил его перейти на кокаин, чем, по-видимому, ускорил его смерть. (см. Джонс, 100-102)

других анализов сновидений, приводимых в "Толковании сновидений", связывают отца Фрейда с темой амбиций и соперничества, а также с Флиссом, Фляйшлем и Брейером (ссылки).

Не кажется ли вам, что мы, по выражению Фрейда, уходим сейчас "слишком далеко"? Но эти подробности занимают важное место в "паутине". Обратите внимание, например, на аллитерации: КОллер, КОнигштейн, КОкаин; ФЛисс, ФЛяйшль. Обилие медицинской терминологии может раздражать, но это один из основных языков Фрейда и его сновидений, который служит одновременно и для выражения, и для маскировки своих мыслей. Сейчас, на самом деле, нам нужно рассмотреть медицинские и биологические теории Вильгельма Флисса, чтобы понять их значение для образования данного конкретного сновидения - и для рождения психоанализа в целом.

Фрейд и Флисс поддерживали друг друга в стремлениях произвести дерзкий спекулятивный синтез, из которого единственным респектабельным и дожившим до настоящего времени остаётся психоанализ. Но на тот момент психоанализ никак не выделялся среди других идей как более разумный, как более рациональный, как более важный. Идеи, породившие психоанализ, бурлили в бульоне других идей, выглядящих, на взгляд большинства современных людей, очень эксцентричными. Например, через два года после сна Фрейда об инъекции Ирме Флисс публично заявил о "назально-рефлекторном неврозе" (Jones, 251-2; Sulloway, 1980, 139-40), симптомами которого являлись головные боли (от которых сильно страдали Флисс и Фрейд), головокружение, обширная невралгия, затруднение кровообращения, дыхания, пищеварения и половых функций. Все это облегчалось аппликациями кокаина в нос.

Как мы уже сказали, нос для Флисса— это половой орган. Это отнюдь не глупая идея, даже с точки зрения физиологии: носовая перегородка состоит из эректильной ткани, отсутствующей в любых иных органах тела кроме сосков и гениталий. Носовые раковины набухают во время менструации, которая, как и беременность, может сопровождаться кровотечениями из носа; при этом общепризнано, что назальное применение кокаина может вызвать аборт. Имеется пугающее количество свидетельств в пользу того, что Флиссовские процедуры по лечению прижиганиями и кокаином действительно эффективны (обзор см. в статье Sulloway 152). Однако, сосредоточенность Флисса на сексуальном носе - как и сосредоточенность Фрейда на сексуальном бессознательном - явно определяется не только научными данными (мы уже отметили, отец Флисса умер из-за проблем с носом). Флисс настолько пристально вглядывается во внутреннюю часть носа, что обнаруживает там «Генитальные Пятна» (Sulloway, 1980, 140), участки носа, которые

рефлекторно воздействуют на женские гениталии: те видимые глазами пятна, которые также возникают во рту Ирмы в сновидении Фрейда об инъекции ей.

Теория назального рефлекса (Nasal Reflex Theory) тесно связана с другими важными теоретическими интересами Флисса, важными тогда же и для Фрейда: бисексуальность, цикличность, менструации (Sulloway, 138-41). Первый и второй интересы сохранили для Фрейда важность – первый, бисексуальность, как часть его публичной теории, второй, цикличность - в частном порядке; но менструация, похоже, выпадает из общей картины, занимая действительно весьма малую роль в психоаналитической теории. Я, однако, на самом деле считаю, что менструация является важнейшим связующим элементом в жизни и мышлении Фрейда⁴.

Менструация, безусловно, имела важное значение для Фрейда в период сновидения об инъекции Ирме. В письме Флиссу в марте 1896 года Фрейд пишет:

«Только сейчас я осмеливаюсь понять свой (sic) тревожный невроз: цикл менструации как его физиологическая модель; сам тревожный невроз как интоксикация, физиологическую основу которой должен обеспечивать органический процесс.» (Массон, 1985а, стр. 174)

Еще более поразительно, что Фрейд не единожды писал Флиссу о своих «плохих критических днях»! (Sulloway, 144) Это вытекает из его дневника циклов, который он вел для своего друга, чтобы собрать данные для теории Флисса о том, что и мужчины, и женщины подвержены влиянию эмоциональных и физиологических циклов, протекающих у обоих полов в ритме 23 и 28 дней: по сути, это теория биоритмов. Как пишет Флисс в предисловии к одной из своих основных работ:

«Менструальные кровотечения у женщин — проявление процесса, присущего обоим полам, начало которого связано не только с половым созреванием... (Оба цикла) имеют прочную внутреннюю связь с мужскими и женскими половыми признаками. Оба цикла - только с различающимся ударением - присутствуют в каждом мужчине и в каждой женщине, в соответствии с нашей фактической бисексуальной конституцией.» (Цитируется по Sulloway, 1980, 140)

Запах рыбы

⁴ Поначалу я был расстроен, когда во время написания этой статьи наткнулся на великолепную книгу Мэри Джейн Луптон «Менструация и психоанализ» (Lupton, 1993). Как и в случае с книгой Э.М. Торнтон о кокаине, меня опередили! Но некоторое время спустя я был поражен повторением приоритетных вопросов в этом контексте - будто материал по-прежнему распространяет своё влияние как магнитное поле. Также полезно заручиться поддержкой при прочтении материала, хотя между мной и Луптон на удивление мало общего.

Менструация связана с носом не только в теории Флисса – но и в общепризнанной физиологической связи с иногда случающимися при менструации опуханием носовых раковин и кровотечением из них – а также в теме запаха. Фрейд несколько раз в своих работах подчеркивает важность того, чтобы люди с обретением прямохождения отделили своё обоняние от гениталий, от ануса - от

«копрофилических частичных влечений, которые оказались несовместимыми с нашими эстетическими стандартами культуры, вероятно, с тех пор, как в результате освоения прямохождения мы оторвали свой орган обоняния от земли.» (Фрейд, 1912, 258)

Впервые он высказал данную идею в письме Вильгельму Флиссу в 1897 году (Массон, 1985, с. 279-80), где чётко заявил, что прямоходящее человечество находит отвратительным не только запах фекалий, но и запах половых выделений, в частности, менструальной крови. И в самом деле, ещё в начале 1896 года Фрейд и Флисс пришли к совместному выводу, что все сильно пахнущие вещества организма являются продуктами распада полового метаболизма! (Удивительно, но впоследствии подтвердилось, что триметиламин, вещество, фигурирующее в сновидении, является причинным фактором "неприятного" запаха у некоторых людей, что считалось ранее следствием невротической фантазий.)

То, что эти двое мужчин, похоже, пытаются разнюхать — есть подлинный алхимический Эликсир Жизни. Но это эликсир двойной, позитивный и негативный: 28-дневное "средство для снятия тревоги" и 23-дневное средство для повышения либидинозности. В алхимии и в шизофрении это хорошо известная тема: существует особая субстанция, связанная с оргазмом и могущая даровать здоровье и бессмертие. Может, это правда, а может, и нет; но, кажется, эффект вполне как у кокаина. Один из традиционных общемировых рецептов заключается в том чтобы выпить смесь половых жидкостей и менструальной крови: Белоснежки и Красной Розы, Луны и Солнца, чей союз станет подлинным единством (ссылка). Истоки Нила?

Это лишь одна из вариантов менструальной магии. Но "волшебное вещество" менструальной крови («волшебным веществом» Фрейд называл кокаин - Саллоуэй, 26), как я уже сказал, на удивление отсутствует в психоаналитической теории. Хотя те немногие упоминания, что всё же есть в работах Фрейда, чрезвычайно интересны. В «Детских сексуальных теориях» (Фрейд, 1908) автор описывает теорию, что дети рождаются от «смешивания крови». В работе "Недовольство культурой" (Фрейд, 1930) Фрейд связывает человеческую культуру с "возвышением над" запахом менструальной крови. Данная теория - более поздняя версия того, что обсуждалось в диалоге с

Флиссом и упоминалось в письме от 1 января 1896 года, в котором Фрейд пишет о теории мигрени:

«Пахучие вещества - как ты и сам считаешь и как нам известно по цветам – это продукты распада полового метаболизма... Во время менструации и других половых процессов организм вырабатывает повышенное количество таких веществ, следовательно, и таких раздражителей... Таким образом, нос, так сказать, получал бы информацию о внутренних обонятельных раздражителях через нещеристые тела... человек страдал бы от своего собственного тела.» (Masson, 1985a, 161)

В главе II "Психопатологии обыденной жизни" (Freud, 1904, 45-52) Фрейд разбирает оговорку, которая, среди прочего, через ассоциацию связывает менструацию и обвинения евреев в жертвоприношениях младенцев. Много лет спустя, в "Вопросе о светском психоанализе", содержащем так много интригующих мыслей (Фрейд, 1926), автор описывает менструацию, наряду с менопаузой, как "обычные модели" невроза, возвращаясь к мысли из своего письма Флиссу в марте 1896 года, которое я уже цитировал выше (в предыдущей главе – прим.перев.):

«Только сейчас я осмеливаюсь понять свой тревожный невроз: менструальный цикл как его физиологическая модель; сам тревожный невроз как интоксикация, физиологическую основу которой должен обеспечивать органический процесс.» (Masson 1985a, 174)

Смутные чувства

Давайте теперь вернемся к сну Фрейда об инъекции Ирме, к тому, как его можно понять с точки зрения дискуссии о теории психоанализа. Любые симптомы, демонстрируемые Ирмой во сне, относятся к (предполагаемо широкому) спектру симптомов Назально-рефлекторного невроза. Когда Фрейд заглядывает Ирме в рот – это психоанализ, то есть лечение разговором - он видит кости ее носа, конкретно, кости носовых раковин – а это альтернативная физиологически обусловленная теория Флисса. На одном уровне «сон об инъекции Ирме» посвящен теоретическому разногласию двух мужчин о природе неврозов. На другом уровне Фрейд, осматривая рот, обнаруживает символическую вагину (носовые раковины/женские гениталии) – скрываемую смущением и вставными зубами – «несмотря на ее платье». В силу сверх-детерминированности естественным медицинским диагнозом для белых пятен и коросты стал бы сифилис⁵ - который Фрейд в определённый

⁵ Я благодарен доктору Дэвиду Лейбелю за разъяснение этого момента. Разумеется, оно было сделано самому Фрейду в 1908 году Абрахамом, и было встречено решительным отрицанием: см. Фрейд - Абрахам, 1965, с. 18-20.

период тоже допускал как причину невроза. («Вероятно, шприц был не чист»). На более глубоком уровне сновидение соединяет все эти теории невроза, говоря: "Смотрите, все они значат одно и то же".

Сновидение, таким образом, жонглирует и соединяет альтернативные идеи этиологии неврозов, которые в тот период допускал Фрейд. Но те идеи об этиологии неврозов, конечно, не были беспристрастно объективными; они несли в себе сильнейший заряд либидо. Все первоначальные теории Фрейда о неврозах являлись ещё и его попытками объяснить свои собственные невротические/неврастенические состояния и могут быть поняты только в данном контексте. Можно, например, представить себе, что физиологическое объяснение Флисса принесло бы Фрейду *облегчение*: объяснение его депрессии и болезни, которое снимало бы необходимость болезненного самоанализа (начатого, в некотором смысле, именно с данного сна); уведящее внимание от обнаруженной в анализе ненависти к своему отцу, занимавшей центральное место в мыслях сновидения о вине и достижениях; объяснение, которое не только допускало, но и настоятельно рекомендовало Фрейду употреблять кокаин – и как лекарство от симптомов, и как источник удовольствия. Конкретно говоря, теория Флисса находилась на противоположном объяснительном полюсе относительно так называемой "теории соблазнения", над которой Фрейд в то время бился (ссылка) и которая, если на ней настаивать, скорее всего вредила бы его карьере. Интересно наблюдать, что намеки на эту теорию соблазнения возникают в сновидении в виде тех же самых образов, которые использует физикалистская теория: «Подобные инъекции нельзя делать бездумно... Вероятно, шприц был не чист».

Фрейд отвергает соблазны системы взглядов Флисса, но при этом *сопротивляется* - в психоаналитическом смысле. У Фрейда - сопротивление теории Флисса о врожденной бисексуальности, плюс сопротивление своему влечению к Флиссу. В реальности позже Фрейд применит первое, чтобы освободить себя от второго - оттолкнув от себя Флисса присвоением себе его теории бисексуальности и напрочь забыв как о том, что это Флисс сказал ему о ней, так и о своих собственных возражениях против неё (Jones, 271-2)! Здесь тоже возникает тема приоритета, а психоанализ играет роль симптома - в виде той темы, в которой сталкиваются и сам бессознательный материал, и силы, его вытесняющие.

«Нечто из глубочайших уровней моего невроза восстало против любого развития в понимании неврозов, и ты каким-то образом к этому причастен. Мне думается, что мой паралич писания имеет целью помешать нашему общению. У меня нет твердых гарантий этому, но лишь смутные чувства».
(Письмо Флиссу от 7 июля 1897 г.: Masson 1985a, 255)

Очаровательно наблюдать, как Фрейд, на своём пути к психоанализу проживает 1890-е годы, безжалостнейшим образом опровергая свои собственные поступки, знания, предположения, напоенные всё тем же самым необычайным, мучительным, ироничным самоощущением, столь характерным для всего подвига Фрейда в целом.

Папоротники и грибы

Хорошо известно, какое сильное влияние на Фрейда оказала теория Флисса о врожденной бисексуальности; но менее известен тот факт, что Флисс опередил Фрейда в понимании детской сексуальности. В письме Фрейда Флиссу в 1897 году есть очаровательный яркий пассаж: «В Аусзее я знаю чудесный лес, полный папоротников и грибов, где *ты* должен поведать *мне* тайны мира низших животных и мира детей». (Массон, 1985а, стр. 254, курсив мой)

Папоротники и грибы: скрученная спиралью носовая раковина и фаллический центр сновидения - желание, возникающее «как гриб из грибницы ... в точке, где эта сеть особенно густа». Во время своих замечательных прогулок (а структура самого «Толкования сновидений» напоминает прогулку, по словам Фрейда своему другу - ссылка) они оба перебрали огромное количество способов озвучить главную тайну, о которой они сами едва смутно догадывались: тайну со скрытым сексуальным смыслом. В конце концов, что объединяет темы научных исследований Флисса - менструацию, цикличность, бисексуальность? Они концентрируются вокруг двух центральных загадок Эдипа, которые Фрейд так чётко сформулировал позже: чем отличаются мужчины от женщин? и - откуда берутся дети? (см., например, Фрейд, 1905, с. 112-15). Так называемую "теорию соблазнения" часто представляют в качестве какого-то искажённого варианта детской сексуальности. Можно рассуждать, и это убедительно доказывали (ссылка), что, отказываясь от данной теории, Фрейд снова поступил беспощадно в отношении своей респектабельности и своих амбиций. Ниже мы увидим и другой вариант такой беспощадности.

Обезображенная Бедняжка

За несколько месяцев до своего сновидения («об инъекции Ирме» - прим.перев.) Фрейд направил свою пациентку «Эмму» к Вильгельму Флиссу для прижигания носовых раковин и пазух носа, чтобы вылечить ее "назально-рефлекторный невроз". Кларк (1980, 49) заявляет даже, что эта "Эмма" и была "Ирмой" (настоящее имя Анна), это же утверждает Макс Шур (1972, 79-89). Однако Массон (1985b, 213) установил достоверно, что «пациентка Эмма»

была Эмма Экштайн, совсем другой человек, и в этой путанице, подчеркиваемой выбором Фрейдом имени 'Ирма', частичного созвучным имени 'Эмма', как псевдонима для Анны, становится очевидным сновидческое отождествление Анны/Ирмы - с Эммой.

Как и Ирму во сне, Фрейд попросил Флисса обследовать Эмму на предмет назальных причин её болей в животе (снова тема этиологии – органическая, а не психическая). Переписка Фрейда и Флисса раскрывает всю эту поистине экстравагантную историю с Эммой (Массон, 1985а, с. 116-24). Флисс проводит процедуру на носу Эммы; через несколько дней у Эммы начинается сильное кровотечение; вызывают хирурга (которого Шур по ошибке называет Брейером - возможно, потому, что думает о "докторе М" (из сновидения об инъекции Ирме – прим.перев.)), и хирург извлекает из носовой полости Эммы "по меньшей мере полметра марли", оставленной там Вильгельмом Флиссом.

«В следующий момент кровь хлынула потоком, длившимся около полуминуты, этого было достаточно, чтобы бедняжка стала ... обезображена».

Фрейд почувствовал себя плохо, он выбежал из комнаты, но вернулся, и "снисходительная" Эмма сообщила ему - оставаясь все это время в сознании - что "это сильный пол".

"Мы были несправедливы к ней, она вовсе не была ненормальной".

При этом Фрейд оправдывал Флисса, написав ему год спустя, иррационально, что "я могу доказать вам, что вы были правы, что ее случаи кровотечения были истерическими, были вызваны желанием (*Wunsch*) и, вероятно, одновременно сочетались с сексуально значимыми моментами" (Массон 1985а, 183). Истерия, вроде бы, безусловно присутствует, но – чьей же была эта истерия?

Гротескный акт интеллектуального насилия по отношению к этой женщине для защиты и психоанализа, и Флисса (как хирурга и как автора теории менструации) и, конечно, патриархата – *«Вы может быть пол и сильный, но правила задаём мы»*. Данный акт образует параллель с интеллектуальным отрицанием Фрейдом в 1897 году историчности (отдельных) случаев сексуального соблазнения (в тексте – абьюза, прим.перев.) детей. Но Фрейд не может успокоиться по этому поводу; в январе 1897 года он продолжал свои попытки разобраться, в этот раз связывая кровотечения Эммы с одержимостью дьяволом!

«У Эммы есть сцена [фантазия], в которой дьявол втыкает иголки в ее пальцы, а затем кладет на каждую каплю крови конфету. Что касается крови, то тебя обвинять совершенно не в чем!» (Массон, 1985а, 225)

Случай Эммы играет очевидную роль в сновидении об «инъекции Ирме», в котором моток марли представлен как "белое пятно", а "менструальное" кровотечение - как "дизентерия", "выводящая токсины", носовые раковины, наблюдаемые при взгляде в рот - являются символом амбивалентности Фрейда в отношении этиологии симптомов Эммы. О связи истерии и менструаций (выступающих, предположительно, в качестве эротического раздражителя) Фрейд писал в нескольких своих более ранних работах. (см., например, «Стандартное издание» 3, стр. 133)

«...Тебя обвинять совершенно не в чем» (слова из письма Фрейда Флиссе в 1897 г – прим.перев.)

Ассоциации Фрейда к дизентерии в сновидении тоже служат в пользу предположения, что Фрейд колеблется между физиологическим и психическим объяснениями неврозов. «Выведение» токсичных веществ посредством дизентерии можно считать символом лечения разговором и символом больших начальных ожиданий почти автоматического устранения симптомов. Ситуация многогранная. С одной стороны, наличие органического заболевания у Ирмы сняло бы с Фрейда ответственность, что он не смог вылечить её психоанализом; с другой стороны, в таком случае Фрейд оказался бы виновным в ошибочной диагностике и в неправильном лечении. Сновидение обнаруживает сильную тревогу, настойчивое обвинение в безграмотности и в халатности как врача-практика и исследователя. В любом случае возникала угроза крушения карьеры Фрейда из-за скандала и недостаточной компетентности.

Подобные страхи имели реальные основания. В середине 1890-х годов Фрейд был на волосок от потери минимальной респектабельности даже в нетрадиционной среде Вены конца XIX века. Сначала гипноз; затем беспорядочное назначение приёма опасного, вызывающего привыкание наркотика; теперь толкование сновидений и секс! (А вскоре и инцест между родителями и детьми). Наряду с финансовыми проблемами, во время сновидения об инъекции Ирме супруга Фрейда Марта была беременна их шестым - но, согласно Фрейду, нежеланным - ребенком, которому дадут имя Анна, в честь подлинной "Ирмы", Анны фон Хаммершлаг (Arriganesi and Forrester, 1992, с. 125-17).

Все данные обстоятельства в своей совокупности придают смысл некоторым странным деталям в рассказе Фрейда: например, "дню рождения" у Марты, на котором Ирма должна явиться "гостьей". Такие детали объясняют желание, вызывающее чувство вины и связанное с темой крови и менструаций (которые, очевидно, и подразумевались в загадочной сноске о "болях в животе" и о "застенчивости" Марты): желание, что у Марты случится выкидыш, или окажется, что беременности нет вовсе.

Идеальное сходство

Центральный образ, даваемый нам до сих пор материалом сновидения: «Диагностический осмотр». (Данное слово представляется мне названием картины, навряд ли как "Урок анатомии" Рембрандта: расплывчатая группа медиков толпится вокруг лежащего на спине безнадёжного пациента.) Сновидение об «Инъекции Ирме» насыщено медицинской терминологией, но в том виде, который лучше всего назвать ироническим. По признанию самого Фрейда, сновидение об инъекции Ирме высмеивает медицинскую модель - по мотивам крайней сверх-детерминированности. Таким способом Фрейд снимает с себя самообвинения в безуспешности и некомпетентности – это "медицина сама по себе смехотворна". Также в этом отражена часть разногласий с Флиссом об этиологии истерии: как верхушка метапсихологического айсберга.

Но сновидение идёт глубже, чем сам Фрейд заходил когда-либо в своём бодрствовании – и это само по себе глубже, чем институциональный психоанализ – отрывая психоанализ от медико-объективистских понятий о причинах и следствиях, о болезнях и их лечении. Выставляя медицину бессмысленной, сновидение делает ударение на то, что смысл принадлежит симптомам - как *тексту*: сновидение утверждает то, что оно и воплощает само собой – сверх-детерминацию. Таким образом, сновидение об инъекции Ирме представляет собой важнейшее пере-описывание симптома с психоаналитической точки зрения в качестве точки сопряжения вытесненного и вытеснения - в качестве двусмысленности – в качестве символического феномена.

А среди Докторов, изучающих вдоль и поперёк недвижимое тело самого сновидения, присутствует и непосредственно *Герр Доктор* Фрейд. Тело не только как символическое – тело также это непосредственно Ирма/Эмма/Анна, над которым так жестоко поиздевались ради теоретического инсайта. И, по более глубокой иронии, что в итоге и подтвердилось, якобы "истерические" боли в животе Анны, корень проблемы, оказались симптомами - либо предчувствием - физического заболевания, камней в желчном пузыре (ссылка). Это так (на мой взгляд), что психоанализ ведет к разрушению фальшивого барьера между психикой и сомой. Но Фрейд в своей интерпретации болей у Анны ставил телегу впереди лошади, как если бы обвиняя Анну (как и Эмму) в обмане; хотя его собственный сон, в свою очередь, предъявляет обвинение ему самому, по смыслу его инсайта.

Поток крови

Рак, диагностированный у Фрейда в 1923 году, привел к серии операций по удалению большей части нёба, то есть к *объединению носовой и ротовой*

полостей – как раз то явление, которое сновидец наблюдает у Ирмы и который имеет такое значение для психоанализа. Данное заболевание делало невозможным для Фрейда говорение и прием пищи без установки болезненного неудобного протеза искусственного нёба, с которым ему по его просьбе вынуждена была помогать его младшая дочь Анна, родившаяся в 1895 году и названная в честь «Ирмы» (Анны).

Как бы твердо ни придерживаться натуралистической теории болезни, конечно, невозможно рассматривать данный недуг - в первую очередь у самого Фрейда - лишённым всякого смысла. С появлением такой *стигмы* на теле вся жизнь Фрейда на время приобретает сюрреалистическую интенсивность и концентрированное значение сновидения – или, лучше сказать, ночного кошмара. Ночь в больнице... он захлебывается собственной кровью... не может говорить... колокольчик сломался... его жизнь спасена дружелюбным карликом-кретином (Джонс, 548). Затем, позже, итальянские каникулы с Анной - по дороге, чтобы показать ей Рим, священный, похороненный, многослойный город Фрейда, куда ведут все дороги: завтрак в поезде - и вдруг *"изо рта Фрейда хлынул поток крови. ... Никто из них не сомневался в его значении"* (Джонс, 552).

Кровь означает смерть. Однако, в свете наших находок есть одно значение этого события, вряд ли приходившее кому-либо из них на ум. Оно звучит жутко. Фрейд здесь менструировал, на свою дочь.

Если бы данный случай был сновидением, то было бы нетрудно утверждать уместность такого толкования: классическое смещение с таза на голову - цепочка ассоциаций, имеющих важное личное значение для Фрейда, - и, конечно, очевидное отсутствие в его теории менструации. Поток крови означает те самые уравнения, которые предлагал Флисс и которым сопротивлялся Фрейд, пока не смог пропустить их через сито собственной цензуры. Нос как гениталии; нос как конкретно женские гениталии; бисексуальность всех человеческих существ. Рак Фрейда пожирает барьер между его женственностью - и его речью; и, вместе с этим, пожирает саму речь. При этом делая возможным тот неукротимый поток, которым Фрейд и отдает все свои долги - и Флиссу, и Марте, и Анне/Ирме/Эмме.

В сновидении - тело Ирмы, с одной стороны, становилось телом психоанализа, подвергающегося интерпретациям Докторов. В раковой болезни - тело Фрейда становилось телом тоже психоанализа, поддающегося давлению отвергаемого желания - в момент сильнейшего стресса, в момент искажения из-за его подчинения патриархату. Фрейд становится самой Ирмой - которая не может и

не будет говорить, которая не может и не будет признавать правду своего собственного состояния.

Если бы Вы только знали...

Однако это 'Ирма', фрейдовская «ветряная мельница» (по англ в оригинале буквально «соломенная женщина», идиома, переводимая в словаре как «подмена понятия/тезиса» – прим.переводчика) - эквивалент описываемой и диагностируемой в психоанализе «ветряной мельницы», мифического создания, которому надлежит отказываться от клиторального удовлетворения ради удовлетворения вагинального: та самая женщина, которая не знает (или не скажет), чего она хочет. Как утверждают теории самого Фрейда, такая женщина, конечно — ещё и мужчина: как любой из нас, жертв вытесненной бисексуальности. Кровь, бьющая потоком изо рта Фрейда, — та самая кровь, о которой он говорит столь редко, кровь менструальная, пугающая мужчин, кровь нашей взаимной всеобщей кастрации.

Истинно ли это? Может ли зависть (мужчин к женщинам – прим.перев.) быть более глубокой, чем та, которая усматривается в мужских ритуалах и поступках периода полового созревания, имитирующих менструацию?? Менструацию, значащую не отсутствие, но - различие. В 1880-х и 90-х годах, особенно в отношениях с Вильгельмом Флиссом, Фрейд сознательно или бессознательно затрагивает уровни человеческой истины более глубокие, чем истина им проговариваемая – истина, относящаяся только к мужчинам. За сновидением об "Инъекции Ирме" лежит предательство: предательство любви, манифестируемой под видом крови. Фрейд наказывается, конечно, за высказывание; но одновременно - и за замалчивание.

Пострадать из-за собственного тела

Нос Фрейда - еврейский нос. Почему же еврейский нос такой потентный символ? Ну, этот нос может (говоря языком мифов и легенд) унюхать выгоду, ценную или копеечную; носы – это ещё как пенисы, хотя в первую очередь ассоциирующиеся с неприятным запахом – это смегма крайней плоти гоев? Хитроумный, опасный Еврей, сующий свой пенис-нос в грязные делишки других людей: данный образ отчетливо проступает в расколе между Фрейдом и Юнгом, разделившем аналитиков в значительной степени по расовому/религиозному признаку.

Фрейд еврей - от них плохо пахнет. Однако у Фрейда нос *хороший*: он может идти по следу, унюхать решение – раскопать гадость, как он учуял вставные зубы Ирмы, также как и свои собственные прелюбодейные и инцестуозные желания. Он чует особенно то, что нечисто. Расплачиваясь за это головной болью, насморком, хроническим катаром - наконец, раком, который пожирает любое различие, любой барьер между тем, что обоняет и тем, что говорит.

Я полагаю, что мы можем выявить "провоцирующую травму" для раковой болезни Фрейда. В 1917 году он вступил в новую борьбу за первенство; на этот раз с Георгом Гроддеком, возможно, самым оригинальным и самостоятельным участником психоаналитического движения, помимо Фрейда. Тогда Фрейд и Гроддек только завязали переписку, потому что Гроддек открыл для себя работы Фрейда, то, насколько те были близки его собственным мыслям. Сначала Фрейд активно обхаживал Гроддека - другого слова не подберешь: *"Я должен заявить вам, я должен утверждать, что вы великолепный психоаналитик, который полностью понял существенные аспекты данного вопроса"* (Groddeck 1977, 36). Но в искрометном восторженном письме звучит одна кислая нотка, кажущаяся странно знакомой:

«...тревожит только одно обстоятельство - тот факт, что вам не удалось справиться с банальным стремлением претендовать на оригинальность и приоритет. ... Вы уверены в себе? ... Может быть вы усвоили основные идеи психоанализа через крипто-амнезию? ... В чём польза бороться за приоритеты со старшим поколением?» (1977, 36-7)

Нескольких фраз спустя Фрейд решительно настаивает в резком и странно командном стиле:

«Я полагаю, что вам следует считать себя человеком, близким к нам, несмотря на то, что ваша позиция по вопросу о распределении соматического и психического не совсем совпадает с нашей, и что вам следует помогать нам в нашей работе. Наши журналы открыты для вас.» (1977, 41)

В переписке последовала долгая пауза, во время которой Гроддек переваривает данный приказ. И в октябре 1917 года Гроддек шлёт Фрейду свою статью "Психическая обусловленность и психоаналитическое лечение органических расстройств" (1977, 109-31). *"Возможно, вам будет небезынтересно, - пишет он (1977, с. 41), - увидеть данные плоды ваших предположений'*. Возможно, что Гроддек здесь подразумевает странный фрагмент "самоанализа" в начале своей статьи, датированной началом июня 1917 года (когда он написал своё второе письмо, на которое Фрейд и ответил тем своим "приказом"). Ассоциации Гроддека - к имени "Дора" и к *воспалению нёба* - стали *«инструментом, с помощью которого мое сознательное признание приоритета Фрейда попыталось пенетрировать в мое внутреннее бессознательное»*. (Фрейд-отец пенетрирует Гроддека?)

Весьма похоже, что Гроддек, человек, наиболее ясно понявший, что болезнь есть выражение бессознательного, должен был явиться тем посланником, который обратит внимание Фрейда на существеннейшую связь - между интеллектуальной честностью, ролью бессознательного, нёбом. Всё-таки

сущностное разногласие между ними заключалось в природе бессознательного, а именно - по вопросу того, до какой степени можно бессознательному *верить*.

Но в чем же заключается та неприятная горькая правда, которая горька для Фрейда, которая съедает его телесные барьеры, забирает его речь? (Здесь ассоциативная игра слов: «неприятная», «горькая» - unpalate по английски имеет тот же корень, что и «нёбо» - palate в качестве упомянутого «телесного барьера», влияющего на речь - прим.перев.) Мы видим работу такой горькой правды в нескольких плоскостях - в диапазоне от личного до публичного. Лечение Эммы Экштайн, лечение "Ирмы" как Женщины, лечение сексуально соблазнённых детей - приносится в жертву психоанализу - правды приносятся в жертву Правде, цель - оправдывает средства. В список можем включить прочие жертвы: Вильгельма Флисса, бисексуальность, менструацию. Но я хотел бы проследить и цепочку связей, ведущих к другой малоизвестной жертве, к своего рода редакторскому зачёркиванию – к сестре Фрейда. Если Гроддека можно считать «провоцирующим фактором», то сестру Фрейда - первоначальной причиной.

На ум приходит событие

Многие комментаторы отмечали, что младшую дочь Зигмунда Фрейда Анну, по признанию отца, назвали так в честь Анны фон Хаммершлаг, "настоящей Ирмы". (Если бы она была мальчиком, ее назвали бы Вильгельмом в честь Флисса). Осталось почему-то незамеченным, однако, что у дочери Фрейда есть и другая очевидная тетка: младшая сестра Зигмунда Фрейда Анна, родившаяся после него через два с половиной года. В семье Зигмунда Фрейда имя его младшей дочери Анны могло восприниматься не иначе, чем как заимствованное у её тётки и в память о ней. Почему же Фрейд замалчивает свою младшую сестру, приписывая имя своей младшей дочери пациентке?

Вынашивание и рождение той самой первой Анны вплетено в события, столь же значимые для Фрейда, что и сновидение об "инъекции Ирме": хорошо известно увольнение его "некрасивой... и хитрой" старой нянечки (которая, как он думал, помыла его водой, окрашенной менструальной кровью), за воровство, к которому Фрейд позже почувствовал себя сопричастным (ссылка).

«Если старая женщина пропала из моей жизни столь неожиданно, то должно быть возможным показать впечатление, которое её исчезновение произвело на меня. В чём оно? На ум приходит событие... Я нигде не мог найти маму; я плакал в отчаянии. Мой брат Филипп (на двадцать лет старше меня) отпёр для меня замок шкафа [Kasten], и, когда я не нашел и в нём своей матери, я заплакал еще сильнее, пока она, стройная, красивая, не вошла в дверь...В то

время, как я искал свою мать, я боялся, что она исчезла, как незадолго до того исчезла старая женщина. То есть я, наверно, услышал, что старую женщину посадили под замок, и поэтому я должен был бы подумать, что и моя мама сидела под замком – то есть, точнее, «сидела под замком в шкафу» [eingekastelt].» (Массон, 1985а, 271)

В этом - вина, самообвинение - за воровство денег (как казалось Фрейду), за "неуклюжесть", "нечистоплотность", "неспособность что-либо делать" (ссылка). Данные два полюса самообвинения возвращаются в сновидении об инъекции Ирме – за неспособность что-либо сделать, за неправильное лечение. Получение денег с пациентов под ложным предлогом: «*Так же, как та старая женщина взяла мои деньги за своё плохое обращение, сегодня я беру деньги за своё плохое обращение с* (в исходном тексте англ. treatment «обращение» значит также «лечение» - прим.перев.) *пациентами*». Несомненно, такое самообвинение должно было иметь связь как с чувством вины, так и с сокрытием чувства вины за своё отношение к младшей сестре, из-за которой мама "от меня исчезла", как та же нянечка. Здесь мы соприкасаемся с ревнивыми (jealous также «завистливыми» – прим.перев.) и убийственными желаниями Фрейда, подавленными столь сильно, что его младшая сестра Анна "исчезла", полностью вычеркнута, уничтожена как личность ("исчезла" настолько, что её нет даже в словарном указателе к монументальной книге Аппиньянези и Форрестера "Женщины Фрейда" [1992]) – а её имя у неё украдено⁶.

Таким образом, в отношении к младшей сестре впервые проявляется проблема всей жизни Фрейда, так часто возникающая в ассоциациях к сновидению об Инъекции Ирме –проблема первенства. Желание быть первым.

Волшебные вещества

Во фрейдовском самоанализе сновидения об "Инъекции Ирме" есть момент, в котором раскрытие и сокрытие, самооправдание и теоретический инсайт довольно явно смыкаются:

«У меня было ощущение, что толкование этой части сновидения недостаточно глубоко...Если бы я продолжал сравнивать трех женщин, то это увело бы меня далеко в сторону...В каждом сне есть по крайней мере одно место, в котором данный сон непостижим - это, так сказать, пуповина, точка контакта с неизвестным». (Фрейд, 1900, 186n)

⁶ В «Толковании сновидений» есть еще один сон (стр. 335-8, 346-7), который связывает старую няню, а также пожилую даму, которую Фрейд опасался, что заразил флебитом ("вероятно, игла была нечистой"), с уродливой старой консьержкой - и с целым рядом загрязнений (поллюций). И кажется, что эта пожилая дама стала жертвой еще одной отдельной ошибки Фрейда: вместо того чтобы давать ей глазные капли и сделать инъекцию морфия, он закапал ей морфий в глаза - оплошность, которую в "Психопатологии обыденной жизни" он недвусмысленно связывает с эдипальным влечением к своей матери (Фрейд, 1901, с. 231-3).

Затем Фрейд на последующих трёхстах страницах оставляет данный важнейший вопрос. Он делает сложный намёк на классическое наследие, возможно, лишь отчасти осознанный - на Пуп (Омфал), «пупочный камень» в Дельфах, который указывал проход в подземный мир, и могилу Питона, убитого Аполлоном (см., например, Graves 1960, Vol. I, 178-82. Согласно его указателю, "Дельфы" означает "матка".) Камень называют пупом, потому что он обозначает центр - народа, мира, мечты, и границу - между верхним и нижним. Кроме того, пуп - место, где мы питаемся через пуповину: прячущаяся змея — это еще и пуповина, реальная "точка контакта", через которую приходит и уходит кровь. Ещё пуп — та точка, из которой, согласно детским теориям, внимательно исследуемым Фрейдом, мы рождаемся - из времени грёз в реальный мир. Насколько нам известно об интересах Фрейда, Дельфийский Пуп, безусловно, является главным ориентиром, и есть другие пупочные камни, мировые центры, по всему миру, включая как минимум и один еврейский:

«Пресвятой сотворил мир подобно эмбриону. Как эмбрион растет из пуповины, так и Бог начал создавать мир с пупа... Иерусалимская скала... называется краеугольным камнем Земли, то есть пупом Земли, потому что именно отсюда разверзлась вся Земля» (Эллиада, 1959: 44)

Питон — это пуповина и извилистые проходы подземного мира. ("Непостижимое" относится к озеру Алкион, оно в древности считалось воротами в подземный мир, через которые Дионис искал свою мать Семелу и в которые, как упоминает Шекспир в "Короле Лире", Нерону не удалось проникнуть (plumb, проникать, «постигать», прим.перев.)⁷). Питон – также символ Богини, у которой Аполлон украл Дельфы, ставшие местом пророчества; он переименовал их в честь Дельфина, который перемещается между водой и воздухом (данная "кража" обычно рассматривается как символ физического захвата патриархальными группами). Жриц даже называли Питонами; а змея - всемирная эмблема Богини, отчасти из-за описанных выше связей, а также потому, что она символически возрождается, сбрасывая кожу. 'Три женщины' здесь становятся Тройственной богиней! – реально утроенная троица: это старушка (няня/консьержка/пациентка), это юная девушка (Ирма/Эмма/Анна) и это мать (Марта/Амалия/няня как кормилица)⁸. Эти тройственности отсылают к тройственным паттернам, установленным Лаканом в сновидении (ссылка), и расширяют их, связывая с химической структурой триметиламина. Этот фрагмент, таким образом, ассоциируется с

⁷ В арденнском издании "Короля Лира" (1963) источник указан как Павсаний, "Описание Греции", II.37.

⁸ «...Здесь представлены три неизбежных отношения мужчины к женщине: женщина, которая вынашивает его, женщина, которая является его супругой, и женщина, которая разрушает его... - сама мать, возлюбленная, выбранная по ее образцу, и, наконец, Мать-Земля, которая однажды снова принимает его... только третья из Повелительниц Судеб, молчаливая Богиня Смерти, примет его в свои объятия». ("Три гроба", том XII, 301)

насильственным захватом патриархатом связей с бессознательным, с захватом пещер пророчества и сновидений, символизируемых Дельфами: пещер, также являющихся носовыми полостями, пазухами носа, пещеристыми телами - раз это "место" является, по Флиссу, "Genitalstelle" (генитальное пятно – прим.перев.), раз это "белое пятно" во рту/носу Ирмы, место в носовой полости Эммы, тампонированной окровавленной марлей.

Триста страниц спустя Фрейд возвращается, наконец, к центральной теме непостижимого места сновидения и перерабатывает образы:

«Мысли сновидения, к которым нас приводит толкование, не могут иметь чёткого окончания в силу природы вещей; они неизбежно разветвляются во всех направлениях, образуя запутанную сеть нашего мысленного мира. Именно в месте, где такая сеть особенно густая, желание сновидения вырастает, как гриб из грибницы.» (Фрейд, 1900, 671-2)

Великолепное сгущение! Гриб делается грибницей - буквально сгущённое и плотно сплетенное "воплощение" клубка подземных нитей, за ночь прорастающее в нежданный дневной мир - Phallus Impudicenses, фаллический, сексуально пахнущий, загадочный гриб; гриб также и пуповина, идущая от плацентарного мицелия, плацентарное сновидение, которое нас питает и является нашим двойником.

Конечно, здесь - отзвук «папоротников и грибов» в Аусзее. Интерес Фрейда и Флисса к грибам был частью повального увлечения девятнадцатого века, последовавшего за открытием того, что грибы не зарождаются спонтанно, например, под действием грома или какого-то брожения в земле, но что они вырастают закономерно, так сказать, как второстепенное явление, придаток, побочный плод «подлинного» организма. Грибница обладает многими качествами бессознательного: огромная, древняя⁹, скрытая, состоит из сети разветвляющихся и переплетающихся нитей. Современный описатель грибов (Mabeu 1993) повторяет формулировки Фрейда из «Толкования сновидений», очевидно, спонтанно: *«то, что мы называем поганками, - это..... лишь верхушка огромного хитросплетения нитей».*

Высказывание Фрейда воплощает собой именно то, что описывает - единство формы и функции: точно так, как сновидение об "Инъекции Ирме" - это сновидение, исполняющее желание понимать сновидение как исполнение желания! - точно так, как сам психоанализ есть и описание бессознательного, и само бессознательное, говорящее само за себя через фантазии теоретиков (Samuels, 1989, с. 217; ср. 5).

⁹В Северной Америке были обнаружены отдельные грибы, мицелий которых занимает площадь более 15 гектаров, а возраст, вероятно, составляет 1500 лет (Mabeu, 1993).

"Анализ завершается только когда пациент осознаёт, что анализ может длиться вечно" (Hanns Sachs). Но даже тот поверхностный "анализ", что мы здесь провели, идёт «во всех направлениях сети хитросплетений» - не только в «нашем мысленном мире», но и в других мирах, в которых мы живем – мирах политики, тела, прошлого, настоящего, будущего. Небо между ртом и носом становится идеальным образчиком разграничения, имеющего столь жизненное значение в работе Фрейда: разграничение между первичным и вторичным процессом, разграничение между влечениями и разумом, разграничение между сексуальностью и речью, и такое совсем иное разграничение, столь часто объединяемое - женского и мужского: граница, которую Фрейд усердно старался одновременно и разрушить, и построить.

На чём-то приходится останавливаться - лишь сетевая структура существует бесконечно. Наш конец - в нашем начале, как и для Фрейда, чей нервный срыв или победа здравого научного смысла которого возвратили его в лоно патриархата и - в каком-то "весьма смутном" смысле - посеяли семя его смерти. Рак, безусловно, соединён с отчаянием - ежедневным, упорным, перемалывающим отчаянием последних десятилетий его жизни, когда Фрейд забрал от мира свою любовь. Его отчаяние коренилось как в событиях его жизни, так и в смертях тех, о ком он переживал больше всего. Но несомненно, что отчаяние коренится также в пессимизме его теории: согласно ей мы можем надеяться только на "обычное человеческое несчастье", а ради культуры необходимо пожертвовать радостью.

Культура здесь равно патриархат. В конечном итоге Фрейд отказался переходить данную границы и нарушать другие табу. Сновидение об «Инъекции Ирме» стало прелюдией к разработке в течение двух последующих лет так называемой "теории соблазнения": идеи, что основной причиной невротизации взрослых является сексуальное соблазнение в детстве, в основном близкими родственниками. Что ж, сейчас мы заново переоткрываем, что такое соблазнение происходит в массовом масштабе: факт, в отношении которого Фрейд затем произвёл смещение (хотя никогда и не отрицал): это ежедневная замалчиваемая катастрофа в сердцевине нашего общества.

Джеффри Массон с красноречивой страстью нападает на Фрейда (Masson 1985b, passim) за его "предательство" детей, подвергавшихся такому соблазнению, не исключая, возможно, и самого Фрейда. Понимание, к чему именно вела его собственная логика, являлось действенной причиной "отказа" Фрейда (как это часто и многозначительно описывается)¹⁰ от теории

¹⁰ Некоторое время я ломал голову над тем, почему эта фраза "отказ от теории соблазнения" стала чуть ли не самым распространенным описанием изменения во взглядах Фрейда. Например, нечто вроде "пересмотр теории инцестуозного абьюза" было бы гораздо более убедительным. Наконец мне пришлось в голову, что эта фраза скрывает в себе персонажа, которую "соблазнили и бросили" - классическую героиню викторианской литературы и удобную жертву для отрицания и переписывания.

соблазнения. По горькой иронии, только "отказавшись" от данной гипотезы и от жертв соблазнения, Фрейд отстроил ту структуру психоанализа, которая позволяет понять структуру невроза — "сексуальное соблазнение", которое каждый из нас переживает как инициацию в патриархат.

Но предательство тоже присутствует, причем на многих уровнях. Предательство выглядит как сделка Фрейда с дьяволом, чтобы отвоевать социальное/интеллектуальное пространство для психоанализа. Скотомизация (визуальная слепота – прим.перев.) сексуального соблазнения детей - лишь одно лыко в строку придумок, которые Фрейд воздвигает в качестве ширмы для глубочайших смыслов, им обнаруживаемых.

Крайняя амбивалентность отношений Фрейда с мужчинами - тоже часть этого. Любой мужчина должен был поочерёдно превращаться из объекта любви в объект соперничества, а затем в объект ненависти. Именно с Вильгельмом Флиссом, взаимно укрепляя нервную систему друг друга, Фрейд сформулировал свои самые радикальные идеи.

«Я приучаю себя считать любой половой акт процессом, в котором участвуют четыре человека». (1.8.99; Masson 1985a, 364)

В этот период Фрейд и Флисс действуют на грани, применяя параноико-критический метод (как его назвал Сальвадор Дали), чтобы обнажить суть человеческой реальности: по сути, используя свои собственные бессознательные фантазии в качестве способа коммуникации бессознательного о его природе. Не приходится удивляться, что многие из их открытий совершенно сумасшедшие. Вопрос - а какие именно? Это процесс шаманский, утверждающий радикальное единство внутреннего и внешнего, субъективного и интерсубъективного. По словам Элленбергера, невроз Фрейда — это его шаманская рана (Ellenberger, 1970, с. 444-50).

Ещё одна рана - контр-рана, рассечение андрогина на части, отрицание шаманско-алхимического брака: разрыв с Вильгельмом Флиссом, и отказ от женского.

«Нечто из глубочайших уровней моего невроза восстало против любого развития в постижении неврозов... У меня нет твердых гарантий этому, только ощущения весьма смутного характера». (Массон, 1985a, с. 255)

Необходим отказ и от крови. Власть Мужской хижины и рёв быков слишком сильны. Отказ и от тела тоже; замена тела - ментальным телом, "образом тела", словесным телом; как подлежит отказу и должно быть дезавуировано желание - так же завершается и половая активность самого Фрейда (скорее в бытовом, чем в аналитическом смысле). Многие авторы (ссылка) подробно показали нам, как Фрейд в эти решающие годы идёт от одного объяснения невроза к

другому, от назально-рефлекторного невроза - к волшебным веществам - и к "теории соблазнения", сплетая и расплетая физические, психические, "экзогенные" версии: таким образом, психоанализ вырастает из плодородного компоста отброшенных гипотез, и практически все из них нашли отражение в сновидении об «Инъекции Ирме».

Что было отброшено, а что было вытеснено? Что возвращается, как всегда вновь и вновь возвращается вытесненное, ударяясь в дверь, в окно, в наши волосы как мошкара, вырываясь из тела, поедая его - вырываясь изо рта плотным неподцензурным потоком крови?

Позже, в той своей работе, где он приводит свои ассоциации к воспалению нёба, Гроддек с глубоким инсайтом говорит о *«сложности бессознательных действий, когда конкретное место выбрано в качестве локальной диспозиции и гаранта человеческого выживания»*. (Groddeck 1977, 127) (прим.перев. – «spot» это «место» или «пятно»)

"Место" Гроддека, "место" Ирмы, "место" Флисса, "место" Фрейда – как в «Толковании сновидений», так и на его нёбе: это одно и то же место, место сверх-детерминированности, место симптома. Фрейд говорит, помимо "центрального места" сновидения, и о "слабом месте в маскировке сновидения", подобно вышитому кресту на плаще Зигфрида, обозначавшему его уязвимость (Freud 1900, 659). Но, как ещё говорит нам Фрейд, даже и смертельный симптом может в итоге явиться «хранителем человеческого выживания»: иногда можно выживать, только умирая.

БИБЛИОГРАФИЯ

Lisa Appignanesi and John Forrester (1992) Freud's Women (London, Weidenfeld and Nicholson)

Ronald W Clark (1980) Freud, The Man and The Cause (London, Cape)

Mercea Eliade (1959) The Sacred and the Profane (New York, Harcourt)

Henri Ellenberger (1970) The Discovery of the Unconscious (London, Fontana)

Sigmund Freud (1900) The Interpretation of Dreams (Penguin Freud Library Vol 1)

Sigmund Freud (1901) The Psychopathology of Everyday Life (PFL Vol 5)

Sigmund Freud (1905) Three Essays on the Theory of Sexuality (PFL Vol 7)

Sigmund Freud (1908) On The Sexual Theories of Children (PFL Vol 7)

Sigmund Freud (1912) On The Universal Tendency to Debasement In The Sphere of Love (PFL Vol 7)

Sigmund Freud (1913) The Theme of The Three Caskets (Standard Edition XII)

Sigmund Freud (1930 [1929]) Civilisation and Its Discontents (PFL Vol 12)

Sigmund Freud (1947) The Question of Lay Analysis (PFL 15)

Sigmund Freud and Karl Abraham (1965), A Psycho--analytic Dialogue (Lndon, Hogarth Press)

Robert Graves (1960) The Greek Myths (London, Penguin)

Georg Groddeck (1977) The Meaning of Illness, selected and edited Lore Schachter (London, Maresfield)

Ernest Jones (1965) The Life and Work of Sigmund Freud (London, Penguin)

Mary Jane Lupton (1993) Menstruation and Psychoanalysis (Chicago, University of Illinois Press)

Richard Mabey (1993) Close To The Earth (Independent on Sunday 14.11.93)

Jeffrey Masson (1985a) The Complete Letters of Sigmund Freud to Wilhelm Fliess (London, Belknap)

Jeffrey Masson (1985b) The Assault on Truth (London, Penguin)

Andrew Samuels (1989) The Plural Psyche (London, Routledge)

Max W Schur (1972) Freud: Living and Dying (London)

William Shakespeare (1963) King Lear, Arden Edition (London, Methuen)

Frank J Sulloway (1980) Freud, Biologist of the Mind (London, Fontana)

E M Thornton (1986) The Freudian Fallacy (London, Paladin)

Перевод выполнен психологом Соколовым Д.В.

<https://dmitry-sokolov.ru/>